

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертационном исследовании Н.А. Муравьева

«Таксис и таксисные формы в языках мира: таксономия и типология»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертационное исследование Н.А. Муравьева посвящено зависимым таксисным формам в языках мира. Это актуальная и недостаточно хорошо исследованная тема, особенно в типологическом плане. Н.А. Муравьев приводит полный и разносторонний анализ и классификацию таксисных форм. Базируясь на существующих классификациях таксисных форм, он предлагает расширенную классификацию, основанную на временном соотношении обеих ситуаций, их аспектуальных характеристиках и их соотношении в коммуникативной структуре предложения (дискурсивная роль). За точку отсчета принимается ситуация, выражаемая таксисной формой, поскольку она рассматривается как уточняющая или определяющая временную локализацию финитной формы. Помимо этих параметров, отдельно учитывается лимитивная (ограничительная) функция как дополнительно выполняемая таксисной формой.

Исходя из этих предпосылок, Н.А. Муравьев выделяет основные таксисные отношения, подробно анализирует их на основе выборки из 80 языков. Дается статистическая характеристика формам, выражающим данные отношения, по встречаемости; каждое таксисное отношение анализируется в сематическом, синтаксическом и коммуникативном плане. Таксисные отношения типологически характеризуются через иерархию выражения таксисных функций, по тому, какие отношения могут выражаться одной и той же формой; учитываются дополнительные значения, которые могут возникать у тех или иных форм. Рассматриваются спорные и не до конца понятные вопросы, связанные с изучаемым материалом.

Новизна и актуальность работы несомненна, поскольку в основе описания лежит многофакторная классификация, учитывающая основные особенности функционирования таксисных форм. Особенно важную роль, не до конца учтенную в предшествующих работах, играют аспектуальные характеристики и дискурсивные роли (коммуникативные функции) двух соотносимых ситуаций. Эмпирическая основа диссертации также солидная, 80 языков, это представительная выборка. В выборку входят языки из всех ареалов земного шара. Н.А. Муравьев демонстрирует как умение работать со статистическими данными и делать типологические обобщения, так и способность

подробно анализировать и сопоставлять конкретно-языковые данные. Таким образом, в методическом плане работа выполнена корректно. С нашей точки зрения, работа представляет несомненный интерес и научную ценность.

В первой главе Н.А. Муравьев рассматривает имеющиеся в литературе классификации таксисных отношений и определяет основные параметры своей классификации, а также определяет те таксисные отношения, которые он на основе своей классификации включает в рассмотрение. Во второй главе каждый тип отношений подробно охарактеризован с точки зрения встречаемости в языке мира. Дается подробный семантический анализ каждого таксисного отношения с учетом его формального выражения и функции на материале разных языков. Отношения делятся на группы: одновременности, следования, предшествования, ограничительные разновидности отношений. Для каждого отношения даются аспектуальные характеристики и дискурсивные роли (фоновые, дескриптивные и др.) ситуаций, связанных данным отношением.

В третьей главе рассматриваются сложные и нестандартные случаи в области таксиса: многофункциональность таксисных форм с точки зрения предложенной классификации, особые случаи, связанные с параметрами одно- и разносубъектности, расширения значения таксисных форм и переходные случаи.

Теоретическое достоинство работы – обобщение предлагавшихся ранее классификаций таксисных отношений с последовательным использованием аспектуальных и дискурсивных ролей двух соотносимых ситуаций. Такой подход более гибкий и, во-первых, позволяет избежать слишком дробного деления таксисных отношений, как, например, случаи «точечно-точечной» и «точечно-длительной» одновременности в классификации Т. Лонгакра. Во-вторых, понятие дискурсивной роли (коммуникативное и семантическое соотношение двух ситуаций, их референциальная (не)зависимость друг от друга) позволяет с помощью довольно простого аппарата описать семантические и коммуникативные особенности предложений с той или иной таксисной формой.

Интересными и актуальными представляются также выводы относительно частотности выделенных таксисных отношений в языках мира (с. 179): наиболее часто в языках встречаются формы со значением контемпоралиса, а такие функции, как адлимитатив или антериорис, часто совмещаются с другими таксисными функциями в одной форме. Данная иерархия дает четкое представление о закономерностях формального выражения таксисных функций в языках мира.

Важными кажутся подробный анализ функций и форм консекутива, в частности его разновидностей (п. 2.3.3), разграничение одновременного и отрицательного адлимитива (п. 2.4.1). Вместе с тем, в главе 3 Н.А. Муравьев обращается к нетривиальным и сложным случаям на примере отдельных языков и показывает, что языковой материал не 100% не укладывается даже в такую подробную классификацию, как предложенная в работе.

В целом, диссертационное исследование представляется теоретически и эмпирически обоснованным. Н.А. Муравьев проделал большую работу по сбору и анализу полевого материала и примеров из литературы, классификации таксисных функций, подробного и достаточно проиллюстрированного примерами изложения своей классификации. Работа заслуживает самой высокой оценки.

Хотелось бы высказать несколько замечаний, которые во многом носят дискуссионный характер и связаны в первую очередь с обширностью темы и сложностью анализируемого языкового материала.

Если говорить о дискурсивных ролях, кажется, что «фоновая ситуация» и «автономная ситуация» можно в полной мере отнести к этой категории, а «дескриптивная ситуация» обозначает ситуацию, находящуюся в определенном семантическом отношении со второй ситуацией (отношение характеристики или модификации), сходном с функцией наречия образа действия. Рематический статус дескриптивной ситуации неотделим от ее семантической характеристики.

Привязка определений таксисных отношений к аспектуальным характеристикам двух соотносимых ситуаций, с одной стороны, позволяет предложить ясное и эксплицитное описание тех условий, в которых имеет место то или иное таксисное отношение. С другой стороны, такая привязка в некоторых случаях подвергает сомнению существование специализированных форм, которые приводятся. На с. 5 отмечено, что «Специализированные таксисные формы используются только в одной функции». В то же время, Н.А. Муравьев сам приводит примеры того, как при изменении аспектуальной характеристики одной из этих ситуаций формы уже не передают то таксисное отношение, которое они выражали до этого изменения. Так, на с. 123 консекутивная форма на *-mbo* языка менгва для в примере 2.3.6 употребляется при одновременности соотносимых ситуаций, если та ситуация, которую выражает финитный глагол, имперфективная.

Некоторая неясность, связанная со сложностью языкового материала, возникает при определении и анализе препозитивного и постпозитивного консекутива, с. 54, 120. Консекутив – одна из функций, которую иногда трудно соотнести со специализированными формами. На с. 120 говорится, что при препозитивном и постпозитивном консекутиве имеет место разная последовательность ситуации,

обозначенной финитным глаголом, и ситуации, обозначенной таксисной формой. Однако далее на рис. 30 (с. 123) и рис. 31 (с. 125) оба отношения относятся к сфере «следование и последовательность» (а не «предшествование», как на с. 114 в схеме для антериориса). Получается, что разница между двумя типами консекутива только в аспектуальных характеристиках соотносимых ситуаций. Если в примере 1.3.26 на с. 55 ситуация, обозначаемая формой консекутива, однозначно следует за второй ситуацией, то в примерах на постпозитивный консекутив на с. 123 и далее нет четко вырисовывающегося единого временного соотношения этих двух ситуаций.

Относительно состава включенных в исследование форм можно заключить, что не только деепричастия, но и причастия с таксисным значением входят в материал рассмотрения (см. с. 42, с. 134, примеры 2.3.43-44, с. 122, примеры 2.3.3-2.3.4). В эвенкийском языке есть причастие предшествования на *-čV* (причастие законченное), которое практически всегда употребляется без глагольной связки и не только в атрибутивной, но и в предикативной позиции, и причастие непосредственного следования с моментом речевого акта в качестве точки отсчета (*-lVk*). Входят ли эти формы в категорию рассматриваемых в работе?

Кроме того, эвенкийские деепричастия на *-mi*, *-rVki*, относимые Н.А. Муравьевым к зоне темпоралиса (с. 72), в грамматиках ([Константинова 1964: 210, 220]) считаются условно-временными. Не упоминается деепричастие одновременности или непосредственного предшествования на *-nV*, которое употребляется в односубъектных конструкциях. На с. 73 упоминается корейское деепричастие одновременности (контемпоралис) на *-myense*, но не упоминается синонимичное с несколько более широким значением деепричастие на *-mye* [Yeon, Brown 2011: 291-292].

На с. 208, где показано употребление нефинитных форм в независимых предложениях (с указанием на временную соотнесенность выраженной в предложении ситуации с контекстом) можно было бы упомянуть работу «Калинина, Е. Ю. Нефинитные сказуемые в независимом предложении», которая есть в списке литературы. Рассматриваются ли в этой работе аналогичные случаи?

Кажется уместным отметить, что термины «антериорис» и «постериорис», логично вписываясь в концепцию автора (антериорис обозначает следование ситуации, обозначенной таксисной формой, за ситуацией, обозначенной финитным глаголом, а постериорис – противоположное отношение этих ситуаций). Однако термин «антериорис» ассоциируется с предшествованием, а «постериорис» - со следованием. Используемые во многих по крайней мере русскоязычных работах термины «предшествование» и «следование» запутывают читателя. Этот момент нужно было бы пояснить.

Было бы хорошо устранить неаккуратные места, которые препятствуют пониманию: так, в таблице 7 на с. 97 фигурируют эвенкийские показатели *-вэр, -тын*, а в примерах – другие показатели.

Вопросы к отдельным примерам: пример 2.2.40, с. 112. Следует ли считать деепричастие *vi-nu-ynke* специализированным деепричастием (антериорис), если его показатель глоссируется как CVB:TEMP? Пример 2.3.10, с. 124, как кажется, нельзя считать хорошей иллюстрацией случая, когда имперфективная маркированная ситуация «быть взрослым» следует за перфективной референциальной ситуацией, поскольку глагольная форма «быть взрослым» осмысляется как перфективная («стать взрослым») именно в данном контексте. Возможно, состояния в языке гусии не могут преобразоваться в формы с инхоативным значением с помощью грамматических средств, и тогда при интерпретации важное место занимает контекст и прагматика. С. 160, примеры 2.5.4-2.5.5 – можно ли допустить анализ примеров типа 2.5.4 не как случаев препозитивного консекутива, а немного по-другому: как одновременность ситуации, обозначаемой формой на *-мнак*, и той ситуации ‘идти’, результатом которой является ситуация ‘прийти’ (выражаемая финитным глаголом)? Примеры с формой на *-мнак* с отношением одновременности встречаются в эвенкийских устных рассказах.

Высказанные замечания носят во многом дискуссионный или частный характер, они связаны со сложностью темы и высоким научным уровнем исследования Н.А. Муравьева. Они только подчеркивают теоретическую и эмпирическую ценность диссертации и ее крайне важную роль в исследованиях по проблемам структуры именной группы.

По тематике и объему привлеченного материала, по научной и практической значимости, оригинальности, а также количеству публикаций диссертация Никиты Александровича Муравьева «Таксис и таксисные формы в языках мира: таксономия и типология» имеет существенное значение для специальности 10.02.20, является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, и решена научная проблема, имеющая важное значение для лингвистической теории и типологии.

Автореферат и публикации по теме работы, в том числе статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК, полностью отражают ее основное содержание. Работа содержит новые научные результаты и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку. Работа полностью соответствует требованиям пп. 9-14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства

Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. №842. Н.А. Муравьев заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по заявленной специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание».

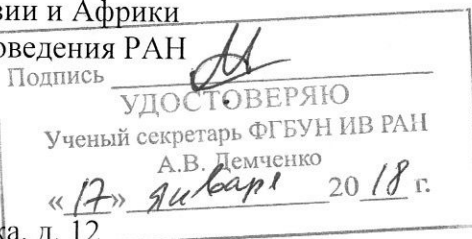
Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела языков народов Азии и Африки
ФГБУН Институт востоковедения РАН

17 января 2018 г.

Рудницкая Елена Леонидовна
107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12
раб. тел. (495)-623-83-36

электронная почта: erudnitskaya@gmail.com

электронная почта на работе: languages@bk.ru

Е.Л. Рудницкая